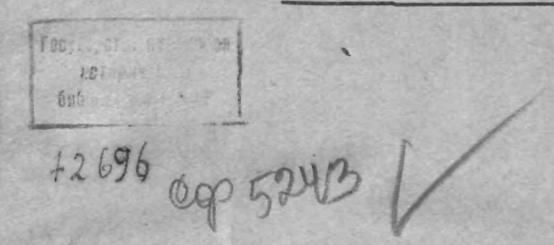
ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. В. Руднева

LI

1933
ПАРИЖЪ

Imprimerie «Union», 13, rue Méchain, Paris

ОГЛАВЛЕНІЕ

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ.

25. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Домъ въ Пасси

Романъ.

У ПОСТЕЛИ.

Черноглазый мальчикъ, аккуратный и изящный, отворилъ дверь въ комнату Капы. Онъ увидѣлъ полосу свѣта — осенняго, блѣднаго, легшаго на полъ и слегка обнявшаго постель съ голубымъ шелковымъ одѣяломъ. Подъ нимъ лежала Капа (головою къ вошедшему: онъ разсмотрѣлъ только ея затылокъ — сбившійся узелъ свѣтлыхъ волосъ: да полуголую руку, да папиросу — она дымилась струйкою на краю стула).

— Здравствуйте. Вы еще спите? А уже одиннадцать.

Капа повернулась, оперлась на локоть.

Щеки у ней были красны, глаза мутноваты. Низкія надъ глазами брови, точно бы сдавливавшія (сѣрые глаза смотрѣли изъ-подъ нихъ, какъ изъ пещеръ) — приподнялись. Капа улыбнулась.

— Недоволенъ, что я долго сплю?

Рафа заложилъ руки за спину, слегка разставивъ ноги смотрѣлъ на нее — спокойнымъ и благожелательнымъ взоромъ.

— Мнѣ все равно, спите хоть до миди. Но это странно... Мама давно ушла, мы съ генераломъ скоро начнемъ готовить завтракъ, а вы все лежите. На службу надо рано выходить. А то могутъ васъ конжедіэ.

— Ты очень строгій. Строже моего хозяина.

Рафа подошелъ ближе, внимательно всматриваясь.

— Почему-же у васъ щеки красныя?

лы», и профессорамъ вмѣняется въ обязанность «систематическое и связное изложенiе студентамъ основъ соотвѣтствующихъ дисциплинъ». Съ возстановленiемъ лекцiй вводятся вновь экзамены, распредѣляемые на двѣ сессiи, въ началѣ и концѣ учебнаго года. Всѣ «коллективные зачеты» запрещаются, и на преподавателей возлагается «отвѣтственность за учетъ работы студентовъ». Возстанавливаются дипломныя работы и дипломные проекты, обязательные нынѣ для всѣхъ студентовъ, наконецъ, регламентируется и сокращается также и «общественная нагрузка» учащихся. Она «не *должна превышать восьми часовъ* въ декаду», и на каждаго студента можетъ быть возложена только одна общественная должность, въ учебные же часы всякаго рода собранiя и засѣданiя студентовъ запрещаются. Студенты и преподаватели освобождаются «отъ мобилизацiи на всякаго рода хозяйственно - политическiя кампанiи».

Не менѣе суровыя мѣры вводятся и въ отношенiи аспирантовъ: «общественная и педагогическая нагрузка сокращается до минимума, они освобождаются отъ завѣдыванiя кафедрами» (явленiе, имѣвшее мѣсто во многихъ провинцiальныхъ университетахъ), «прикрѣпляются къ профессорамъ по спецiальности», подвергаются трехмѣсячному испытательному стажу, обязуются давать регулярный отчетъ о своихъ занятiяхъ. Послѣднiй декретъ поднимаетъ даже вопросъ о возстановленiи ученыхъ степеней, отмѣненныхъ въ самомъ началѣ революцiи, робко возстановленныхъ было въ эпоху расцвѣта Нэпа и вновь отмѣненныхъ за время пятилѣтки. Профессорскiя кафедры должны впредь замѣщаться на основанiи конкурса изъ лицъ, имѣющихъ професорское званiе. Положенiе, очевидно, до того обострилось, что по отношенiю къ студентамъ, какъ и по отношенiю къ аспирантамъ, ослабляется даже классовый отборъ. По крайней мѣрѣ, дѣти «инженерно-технических работниковъ и работниковъ просвѣщенiя, научныхъ работниковъ и спецiалистовъ, литераторовъ и художниковъ», т. е. большинства интеллигенцiи, приравниваются нынѣ при прiемѣ въ студенты и аспиранты къ «рабочимъ и дѣтямъ рабочихъ, военнослужащихъ и сотрудниковъ ОГПУ, дѣтямъ членовъ Общества политкаторжанъ, героевъ труда» и другихъ категорiй новой аристократiи.

Таковъ итогъ послѣдняго учебнаго года пятилѣтки. Высшая школа, какъ и вся школьная система въ цѣломъ, сейчасъ вновь вступила въ процессъ рѣшительной перестройки, которая нынѣ происходитъ подъ знакомъ уже ничѣмъ неприкрытой реставрацiи стараго. Приведетъ ли эта реставрацiя къ реальному возстановленiю разрушеннаго организма русской школы? Врядъ ли, если за школьнымъ Нэпомъ не послѣдуетъ и Нэпа хозяйственнаго. Къ тому же всѣ тѣ соцiальныя силы — хозяйственники, крестьянство, учительство, — которыя въ 1925-28 гг. вынесли на своихъ плечахъ процессъ возстановленiя русской школы, нынѣ разбиты и не только не склонны, но и не способны къ проявленiю какой бы то ни было инициативы. Не будучи, какъ таковая, еще залогомъ возстановленiя русской школы въ будущемъ, объявленная реставрацiя есть пока что лишь оффицiальное признанiе полной неудачи, постигшей пятилѣтку на одномъ изъ самыхъ важныхъ ея фронтовъ, на фронтѣ культурномъ.

С. I. Гессенъ.

Взлетъ и распадъ Совѣтскаго плановаго хозяйства.

I. Достиженiя плановаго хозяйства.

Укороченный перiодъ «пятилѣтки» закопченъ. Вторая «пятилѣтка», директивы къ составленiю коей были съ такой помпой опубликованы еще въ январѣ прошлаго года и усиленно обсуждались еще вплоть до осени, вдругъ стала не актуальной. Ея окончательная переработка передана въ Академiю Наукъ, а предсѣдателемъ соотвѣтствующей комиссiи назначенъ какъ разъ самый выдающiйся представитель праваго уклона, на которомъ столько собакъ вѣшаютъ, Бухаринъ; дѣло это, очевидно, во истину стало академическимъ. Надо полагать, что вторая «пятилѣтка» никогда не будетъ опубликована, а если она будетъ опубликована, то не въ серьезъ, а только для виду.

Сейчасъ не имѣетъ смысла задаваться большими цѣлями на долгiе годы, когда тотъ инструментъ, съ помощью котораго большевики хорошо или плохо работали, — плановое хозяйство, притупился, онъ не дѣйствуетъ больше. Дай Богъ кое-какъ закончить хотя-бы часть тѣхъ грандiозныхъ строекъ, которыя начаты, но отъ своего завершенiя очень далеки. «Пятилѣтка» отходитъ въ исторiю.

Въ настоящее время не имѣется еще достаточныхъ матерiаловъ, чтобы дать исчерпывающую количественную оцѣнку той великой экономической революцiи, которую Россiя продѣлала за истекшiе четыре года. У насъ имѣются совершенно недостаточныя данныя какъ разъ по самому важному вопросу — касательно результатовъ строительства. Къ моменту заключенiя «пятилѣтки» совѣтской власти, очевидно, неудобно признаться въ томъ, что значительной, едва-ли не большей части строекъ закончить не удалось, и поэтому она по этому вопросу не печатаетъ сводокъ.

Другое затрудненiе для оцѣнки «пятилѣтки» создаетъ состоянiе совѣтской сельско-хозяйственной статистики. Статистика посѣвовъ и урожаевъ — дѣло, вообще, трудное, а въ условiяхъ малокультурной страны, находящейся при томъ подъ рожимомъ жестокой диктатуры, сугубо трудное. Однако, совѣтская статистика посѣвовъ и урожаевъ настолько расходится съ картиной продовольственнаго положенiя деревни и статистика хлѣбозаготовокъ настолько расходится съ картиной продовольственнаго положенiя городовъ, что приходится признать, что, если теперешнее ЦСУ само не фальсифи-

цируетъ своихъ цифръ, то оно, повидимому, предоставляетъ большія возможности это дѣлать своимъ мѣстнымъ органамъ *)

Однако, для тѣхъ, кто изо дня въ день слѣдитъ хотя-бы по прошедшей всѣ цензуры совѣтской прессѣ за развитіемъ русскаго хозяйства, качественная оцѣнка результатовъ «пятилѣтки» является вполнѣ возможной.

Когда пятилѣтній планъ былъ опубликованъ, то не только зарубежная печать, но даже благорасположенные къ совѣтской власти иностранцы отнеслись къ нему несерьезно. Этотъ скептицизмъ эмиграціи и иностранцевъ былъ чрезмѣрнымъ. Пусть тѣ цѣли, которыми задавался пятилѣтній планъ, были не осуществимы, но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, что пятилѣтній планъ былъ просто большевистскимъ блефомъ. Бѣда въ томъ, что и эмигранты, и иностранцы мѣряютъ коммунистическое государство буржуазнымъ аршиномъ. И тѣ и другіе упускаютъ изъ виду, что правительственная власть въ коммунистическомъ государствѣ несравненно могущественнѣе, чѣмъ въ буржуазномъ государствѣ. Коммунистическая власть можетъ себѣ серьезно ставить такія задачи, которыя буржуазная себѣ, вообще, и ставить не можетъ. Къ какимъ результатамъ приводятъ грандіозные опыты коммунистическаго строительства, это особый вопросъ, но къ такого рода опытамъ надо во всякомъ случаѣ относиться серьезно.

Когда большевики съ присущей имъ громадной энергіей принялись за строительство индустріи и порядочно продвинулись по этому пути, скептицизмъ смѣнился удивленіемъ и даже восторгомъ. И этотъ восторгъ передъ коммунистическимъ строительствомъ, какъ извѣстно, захватилъ не только буржуазные круги за-границей, но и широкіе круги эмиграціи.

Дѣйствительно, нельзя не признать, что, хотя громадныя работы еще не додѣланы и, вѣроятно, не будутъ додѣланы, все-же и исполненное является грандіознымъ, превосходящимъ все, что можно было ожидать при появленіи на свѣтъ пятилѣтняго плана. Такого размаха индустріальнаго строительства никто не могъ ожидать. Днѣпрогэзъ есть величайшая электрическая станція въ Европѣ; такой громадной фабрики сельскохозяйственныхъ машинъ, какъ Сельмашстрой въ Ростовѣ на-Дону, тоже нѣтъ въ Европѣ, и такія огромныя фабрики тракторовъ и автомобилей, какія выстроены въ Россіи, имѣются только въ Соединенныхъ Штатахъ.

*) Впрочемъ иногда истина скандально вылѣзаетъ и изъ совѣтскихъ матеріаловъ. На XVI-ой партійной конференціи лѣтомъ 1930 г., когда рѣшался вопросъ о коллективизаціи крестьянства, Сталинъ и Наркомъ Земледѣлія Яковлевъ заявили, что въ связи съ коллективизаціей площадь яровыхъ посѣвовъ возросла весной 1930 г. на 7%. Но изъ «Статистическ. справочника», опубликованнаго спустя 2 года, можно усмотрѣть, что означенной весной произошло не возрастаніе посѣвной площади яровыхъ на 7%, а ихъ сокращеніе на 2,2%. Въ абсолютныхъ цифрахъ это составляетъ ошибку въ 8 милл., каковая представляется чрезмѣрной и для теперешняго ЦСУ.

Кажется, сейчасъ уже нѣтъ такихъ сложныхъ машинъ, которыя бы не производились въ Россіи: и ткацкіе станки, и турбо - генераторы, и динамо - машины, и аэропланы, и комбайны, и блюминги. Съ другой стороны, въ то время какъ прежде промышленность сосредоточивалась почти только въ трехъ районахъ: въ Московскомъ, Петербургскомъ и Донецкомъ, теперь дѣло обстоитъ иначе. Конечно, промышленность и въ старыхъ центрахъ развивается въ стремительномъ темпѣ (и вѣроятно, въ этихъ районахъ оно хозяйственно болѣе обосновано), но, вообще, строительство индустріи идетъ по всей странѣ. Нѣтъ такого медвѣжьяго угла въ Россіи, въ которомъ не затѣвались-бы тѣ или другія, подчасъ весьма крупныя, предпріятія. За полярнымъ кругомъ, на Мурманѣ, въ только что развѣданныхъ Хибинскихъ горахъ выстроена громадная фабрика обогащенія апатитовъ (для полученія фосфорныхъ удобреній), въ глубинѣ Киргизскихъ степей, въ Карагандѣ, заново создана значительная угольная промышленность, на берегахъ пустыннаго озера Балхашъ строится (боюсь, что не достроится) громадный мѣдно - плавильный заводъ, на Сахалинѣ создана изрядная нефтяная промышленность, сибирскій лѣсъ сплавляется по Енисею и съ помощью ледоколовъ и подъ наблюденіемъ аэроплановъ везется черезъ Карское море въ Англію и т. д., и т. д. Рыхлую Россію съ ея частью еще полудикими народами тормошатъ со всѣхъ концовъ и будятъ изъ вѣкового сна.

И все это дѣлается въ бѣдной Россіи, едва-едва оправившейся отъ міровой и гражданской войны и отъ голодной катастрофы 1921 - 22 г. И все это дѣлается собственными средствами, ибо, хотя иностранные кредиты имѣютъ для совѣтской власти крупное значеніе, но они не стоятъ ни въ какомъ соотношеніи съ размѣрами уже сдѣланныхъ инвестицій.

Итакъ, громадное строительство совершается на пространствѣ шестой части суши. И какъ будто-бы имѣются и кое-какіе результаты этого опыта созданія въ стремительномъ темпѣ новой тяжелой индустріи. Производительность тяжелой индустріи несомнѣнно быстро растетъ. Вотъ нѣкоторыя цифры въ натуральномъ выраженіи, которыя не возбуждаютъ большихъ сомнѣній и иллюстрируютъ сказанное:

ПРОИЗВЕДЕНО	МИЛЛІОНЫ ТОННЪ				Производство 1932 г. въ %%		
	1913 г.	1927/8 г.	1932 г.*)	Планъ 1932	1913 г.	1927/9 г.	Плана 1932 г.
Угля	28,9	35,4	62,3	90,1	216	176	69
Нефти	9,3	11,8	22,0	27,4	237	186	80
Чугуна	4,2	3,3	6,1	9,0	145	185	68
Стали	4,2	4,2	5,9	9,5	140	140	62
Проката	3,5	3,3	4,2	6,6	120	127	64
Ж.-дор. перевозки.	132,4	150,6	290,6	320,0	219	193	91

*) Цифры предварительныя.

Если сравнить результаты 1932 года съ планомъ на тотъ-же годъ, то оказывается, что угля добыто на 30% меньше плана, нефти на 20% меньше плана, а съ чернымъ металломъ дѣло обстоитъ еще менѣе благополучно: чугуна добыто на 1/3 меньше предположеннаго, выплавка-же стали и проката отстаетъ еще сильнѣе отъ плана, чѣмъ выплавка чугуна. Но если сравнить продукцію тяжелой индустріи съ продукціей 1913-го года, или съ продукціей 1927 - 28 года, предшествовавшаго пятилѣткѣ, ростъ оказывается весьма значительнымъ, въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства едва-ли когда-либо наблюдавшимся: за четыре года производство угля возросло на 75%, нефти на 85%, чугуна на 85%. Только ростъ производства стали и проката сильно отстаетъ отъ роста производства чугуна, являясь «узкимъ мѣстомъ» въ совѣтскомъ хозяйствѣ.

Тотъ, кто склоненъ къ отрицательной оцѣнкѣ коммунистическаго строительства, будетъ подчеркивать невыполненіе плановъ; тотъ, кто склоненъ къ его положительной оцѣнкѣ, будетъ подчеркивать ростъ производства по сравненію съ годомъ, предшествовавшимъ пятилѣткѣ. Какъ я уже писалъ въ статьѣ «Судьбы пятилѣтки», я не могу присоединиться къ тѣмъ, которые готовы усмотрѣть провалъ пятилѣтки въ томъ, что темпы не выдерживаются. Если бы «пятилѣтка» была болѣе или менѣе гармонично выполнена не въ 4 и не въ 5 лѣтъ, а въ 10 лѣтъ примѣрно на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она была запроектирована, то я бы къ зоиламъ не присоединился, а сталъ ея пиндаромъ. Я считалъ-бы это достиженіемъ мірового значенія.

II. Язвы плановаго хозяйства.

Бѣда въ томъ, что, несмотря на стремительный ростъ производства тяжелой индустріи, въ общемъ картина русской экономической дѣйствительности совершенно не похожа на ту, которую обѣщали составители плана. При заключеніи пятилѣтки реальный доходъ на голову населенія долженъ былъ возрасти на 2/3, въ дѣйствительности - же строительство пятилѣтки сопровождалось неизмѣннымъ ухудшеніемъ экономическаго положенія населенія, и въ концѣ концовъ оно оказалось ввергнутымъ въ пучину такихъ бѣдствій, какихъ оно со временъ «военнаго коммунизма» не переживало. Но вѣдь народъ существуетъ не для того, чтобы строить заводы и копать уголь, а, наоборотъ, заводы строятъ и копаютъ уголь, чтобы народу легче жилось.

Въ связи съ этимъ въ эмиграціи довольно широко распространено и такое мнѣніе, что пятилѣтка затѣяна была исключительно для милитаристскихъ цѣлей, а непосредственнымъ интересомъ населенія она въ дѣйствительности и не должна была служить *). Въ отличіе отъ стараго режима, коммунистическое правительство совершенно отчетливо сознаетъ, что предпосылкой его военной мощи является развитая индустрія. И конечно, однимъ изъ важныхъ мотивовъ пятилѣтки является укрѣпленіе военной мощи и совѣтской власти. Однако, задачи совѣтскаго строительства гораздо обширнѣе, чѣмъ онѣ были-бы, если-бы оно было продиктовано исключительно военными нуждами. Въ дѣйствительности пятилѣтка должна была показать всему міру, что не капитализмъ, а соціализмъ ведетъ населеніе къ сытому и счастливому житію. Если-же пятилѣтка, потребовавъ отъ населенія колоссальнаго напряженія силъ, въ концѣ концовъ привела его въ бѣдственное состояніе, то это показываетъ, что во всемъ коммунистическомъ хозяйствованіи имѣются какіе-то глубокіе внутренніе дефекты, которые дѣлаютъ его какъ-то несоотносительнымъ реальнымъ потребностямъ населенія.

Бѣда апологетовъ большевистскаго строительства заключается въ томъ, что они, подобно самимъ большевикамъ, мыслятъ хозяйство чисто внѣшне, технически, между тѣмъ какъ народное хозяйство есть организація для удовлетворенія потребностей народа, и только съ этой точки зрѣнія оно можетъ подлежать оцѣнкѣ.

Цѣнность каждой хозяйственной организаціи опредѣляется существующимъ въ ней соотношеніемъ между затратами и получаемыми результатами. Однако, у соціалистовъ не всегда бываетъ ясное сознаніе того, что основной хозяйственный принципъ о правильномъ соотношеніи между затратами и результатами обязателенъ для всякаго хозяйства, которое заслуживаетъ этого названія, а слѣдовательно и для соціалистическаго. Правда, рентабельность есть понятіе капиталистическое, и къ соціализму какъ бы отношенія не имѣетъ. Въ дѣйствительности-же рентабельность является лишь выраженіемъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ общаго хозяйственнаго принципа. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ всѣ средства производства, и въ частности трудъ, оцѣнены въ соотвѣтствіи съ общимъ состояніемъ народнаго хозяйства, и предприниматель, который позволитъ себѣ такъ использовать средства производства, что полученнымъ продуктомъ ихъ народнохозяйственная оцѣнка не оплатится, наказывается разореніемъ, т. е. потерей своей соціальной позиціи.

Въ совѣтскомъ хозяйствѣ, гдѣ вся хозяйственная отвѣтственность перекладывается на широкія плечи всего общества, могутъ длительно существовать и опредѣленно убыточныя предпріятія. Но это едва-ли является его преимуществомъ. Убытки остаются убытками, и если они накопляются во многихъ предпріятіяхъ, то это обозначаетъ собою пониженіе національнаго дохода. Поэтому хозяйственный расчетъ при соціализмѣ, столь же необходимъ, какъ и при капитализмѣ. Нѣтъ, его функціи въ первомъ случаѣ даже важнѣе, чѣмъ во второмъ. Въ концѣ концовъ

*) Въ рѣчи Сталина на январьскомъ Пленумѣ многіе усмотрятъ подтвержденіе указанной оцѣнки пятилѣтки. Въ дѣйствительности мы въ рѣчи Сталина имѣемъ новую попытку свалить съ себя отвѣтственность за экономическую катастрофу на военныя условія. Но если катастрофу 1921 г. нельзя было цѣликомъ объяснить условіями войны, то теперешнюю катастрофу уже навѣрно нельзя объяснить условіями подготовки къ войнѣ.

капиталистъ можетъ и не вести никакого счетоводства; все равно все, что онъ получаетъ, въ народномъ хозяйствѣ оцѣнено, и «не уйдетъ отъ суда людского», — за безхозяйственность онъ заплатитъ раззореніемъ. Другое дѣло въ совѣтскомъ хозяйствѣ: руководитель соціалистическаго предпріятія можетъ себѣ позволить роскошь вести дѣло безхозяйственно, — ему отъ этого горюшка мало. Такимъ образомъ, хозяйственный расчетъ необходимъ въ соціализмѣ въ сугубой мѣрѣ. А таковой возможенъ только въ деньгахъ, но невозможенъ ни въ натуральной формѣ, ни въ трудовыхъ единицахъ *).

Хотя большевики на горькомъ опытѣ имѣли возможность убѣдиться въ непреложности этихъ экономическихъ истинъ, тѣмъ не менѣе уровень хозяйственности ихъ предпріятій очень низокъ.

Если уровень хозяйственности былъ не высокъ въ большевистскомъ хозяйствѣ и до пятилѣтки, то погоня за исполненіемъ перенапряженныхъ плановъ подъ «пятилѣткой» погрузила большевистское хозяйство (если оно, вообще, еще такое имя заслуживаетъ) въ разливанное море безхозяйственности. Въ связи съ инфляціей самый хозяйственный расчетъ къ началу 1931 г. совершенно атрофировался, и несмотря на всѣ усилія совѣтской власти, до сихъ еще лишь частью востановленъ.

Что касается новаго большевистскаго строительства, то это апогей безхозяйственности. Рентабельность самыхъ крупныхъ предпріятій не обоснована, не вычислена. Возьмемъ, напр., колоссъ новой металлургіи — Магнитогорскъ. Развѣ до войны о существованіи Магнитной горы съ ея цѣнными рудами не знали?! Конечно, знали. Тамъ даже уже имѣлись небольшіе заводы, работавшіе на древесномъ углѣ. Но никто не рѣшался построить большой заводъ, который долженъ былъ бы снабжаться каменнымъ углемъ за тридевять земель, за 2.400 килом. изъ Кузнецкаго бассейна. Но большевики этого не боятся, и если-бы Магнитогорскъ былъ когда-нибудь полностью готовъ, то ежедневно должны были-бы прибывать 10 поѣздовъ изъ Кузнецка для его снабженія углемъ. Между тѣмъ на свѣтѣ нѣтъ такого случая, чтобы домны снабжались углемъ, подвозимымъ по сухому пути за тысячи километровъ. Такъ обстоитъ съ центральнымъ металлургическимъ предпріятіемъ всей пятилѣтки.

Другой особенностью этого строительства является его дороговизна. «Мы строимъ чохомъ!», сказалъ Орджоникидзе въ февралѣ 1931 г., въ бытность его предсѣдателемъ РКИ, т. е. безъ плановъ и безъ смѣтъ. Можно себѣ представить, во что такое строительство «чохомъ» влетаетъ.

Что касается текущаго производства, то погоня за исполненіемъ перенапряженныхъ плановъ приводитъ здѣсь къ рѣзкому пониженію и до того не высокаго качества большевистской продукціи, къ массовому производству брака. Это безхозяйственность съ другого конца, ведущая къ пониженію результатовъ производства.

*) Подробнѣе объ этомъ въ моей книгѣ: «Соціалистическое хозяйство. Теоретическія мысли по поводу русскаго опыта». Берлинъ, 1923.

Между тѣмъ безхозяйственность въ тяжелой индустріи является сугубо опасной, ибо отъ добычи сырья до полученія предметовъ потребленія производственный процессъ долженъ пройти черезъ рядъ стадій, и безхозяйственность въ каждой изъ этихъ стадій можетъ сдѣлать весь производственный процессъ безсмысленнымъ. Изъ дорогого и плохого угля и изъ дорогой и плохой руды производится дорогой и плохой чугунъ, изъ дорогого и плохого чугуна получается дорогая и плохая сталь, изъ дорогой и плохой стали получаются дорогія и плохія машины, которыя будутъ въ работѣ быстро портиться и бросаться въ ломъ. Такого рода характеристикъ совѣтскаго производства, даваемыхъ компетентными инстанціями, можно найти въ совѣтской прессѣ сколько угодно. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ такія производства существовать не могутъ, но въ монополистическомъ совѣтскомъ хозяйствѣ они могутъ существовать, имъ можно даже дѣлать рекламу, и не только обыватели, но и иные «экономисты» будутъ говорить о необычайномъ «ростѣ производительныхъ силъ страны».

На что-же надѣялись большевики, берясь за осуществленіе перенапряженныхъ плановъ? Ихъ главный расчетъ былъ на перенесеніе высокой американской техники на русскую почву. Но и эта идея принципіально ложная. Техника не подлежитъ абсолютированію. Техника, которая подходитъ для страны, богатой капиталами съ дорогимъ, но зато высоко квалифицированнымъ рабочимъ, подчасъ совсѣмъ не подходитъ для страны, бѣдной капиталами, имѣющей большіе избытки рабочихъ рукъ и располагающей въ связи съ этимъ дешевымъ трудомъ, но зато низкой квалификаціи. И на каждомъ шагу большевикамъ приходится въ этомъ убѣждаться. На заводахъ, оборудованныхъ по послѣднему слову техники, стоимость производства оказывается выше, чѣмъ на старыхъ примитивно оборудованныхъ заводахъ. Фабрики, оборудованныя прекрасными новыми машинами, даютъ сплошной бракъ, и машины ихъ такъ скоро портятся, что фабрики приходится скоро пріостановить.

Но все большевистское хозяйство основывается еще на одномъ чрезвычайно вредномъ принципѣ, — большевистское хозяйство не начисляетъ процентовъ. Необходимо однако осознать значеніе начисленія процентовъ на капиталъ въ механизмѣ капиталистическаго хозяйства. Всякое народное хозяйство располагаетъ капиталомъ въ ограниченномъ количествѣ, между тѣмъ какъ спросъ на него безграниченъ. Съ помощью начисленія процента на капиталъ производится подборъ тѣхъ способовъ использованія капитала, которые въ данныхъ условіяхъ являются болѣе состоятельными, болѣе производительными. Если такъ, то можетъ-ли соціалистическое хозяйство безъ ущерба отказаться отъ начисленія процентовъ? Большевики думаютъ, что можетъ, но они ошибаются.

Выстроенъ Днѣпрогэзъ, и большевики ему дѣлаютъ громадную рекламу. Нельзя отрицать, что съ технической точки зрѣнія Днѣпрогэзъ есть крупное достиженіе. Однако, если-бы акціонерное общество въ предѣлахъ капитали-

стическаго хозяйства создало Днѣпрогэзъ, то оно было-бы раззорено: ухлопали громадный капиталъ, а между тѣмъ потребителей энергіи совсѣмъ нѣтъ, и должны пройти долгіе годы, пока они появятся. Акціонерное общество можетъ строить Днѣпрогэзъ лишь при условіи одновременнаго возведенія могущихъ потреблять его энергію фабрикъ. Какой-же порядокъ болѣе соотвѣтствуетъ интересамъ народнаго хозяйства, тотъ ли, который считаетъ возведеніе Днѣпрогэза великимъ достиженіемъ, или тотъ, который признаетъ его ошибкой и наказываетъ соотвѣтствующихъ предпринимателей раззореніемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ не трудно дать на опытѣ того-же большевистскаго хозяйства.

Достаточно прочитать описанія жилищныхъ условій на горныхъ промыслахъ, на лѣсныхъ разработкахъ, на новыхъ стройкахъ. Рабочіе ютятся въ норахъ, въ землянкахъ, въ лучшемъ случаѣ въ баракахъ, въ которыхъ нары построены въ пять этажей. Рабочіе не имѣютъ покоя, болѣютъ, бѣгутъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ лучшихъ жилищныхъ (а также и продовольственныхъ) условій. Пресса переполнена жалобами на паденіе производительности труда, и она объясняетъ это плохими условіями жизни рабочихъ. Въ добромъ желаніи совѣтской власти пойти навстрѣчу нуждамъ рабочихъ нѣтъ основаній сомнѣваться. Но гдѣ ей взять капиталы для жилищнаго строительства? А капиталъ, пожалуй-бы, нашелся, если-бы его не ухлопали въ Днѣпрогэзъ или въ строющійся Магнитогорскъ, который навѣрно никогда нормально даже не будетъ работать.

Или вотъ другое явленіе. Отъ времени до времени въ прессѣ подымается шумъ по поводу того, что при ревизіи фабричныхъ складовъ на нихъ обнаруживаются громадныя залежи разныхъ дефицитныхъ средствъ производства, какъ то: цвѣтныхъ металловъ, разныхъ запасныхъ частей и т. д., которыхъ соотвѣтствующія фабрики въ теченіе долгихъ лѣтъ не сумѣютъ использовать. А въ то-же время другія фабрики вынуждены пріостановить свою работу, именно, вслѣдствіе нехватки тѣхъ-же средствъ производства. О какихъ суммахъ тутъ идетъ рѣчь можно судить по тому, что за одно только первое полугодіе 1932 г. было «заморожено» на фабричныхъ складахъ цѣнностей на одинъ милліардъ рублей («За индустріализацію» отъ 12 сент. 1932 г.).

Такимъ образомъ, тѣ принципы, на которыхъ построено совѣтское монополистическое хозяйство, осуждаютъ его на несравненно низшую степень хозяйственности, чѣмъ тѣ, которые характерны для капиталистическаго хозяйства. Соотношеніе между затратами и результатами въ совѣтскомъ хозяйствѣ должно быть менѣе благопріятно, чѣмъ въ капиталистическомъ.

Но бѣдственное положеніе населенія обусловливается не только низкимъ уровнемъ хозяйственности коммунистическаго хозяйства. Надежда составителей «пятилѣтки», что, благодаря высокой производительности коммунистическаго производства, имъ удастся сочетать напряженный планъ съ наличіемъ рынка, не оправдались. Эти предположенія оказались неосуществимой мечтой. Низкая производительность плановаго хозяйства вызвала инфляцію и при наличіи фиксированныхъ цѣнъ привела къ глубокому нарушенію равновѣсія между спросомъ и предложеніемъ. Послѣднее оказалось слишкомъ скуднымъ, чтобы удовлетворить растущій подъ вліяніемъ эмиссій спросъ, и никакихъ резервовъ, никакихъ рычаговъ для поддержанія рыночнаго равновѣсія въ рукахъ совѣтской власти не оказалось. Прошло лишь полгода послѣ вступленія въ силу пятилѣтки, и совѣтская власть перешла къ «пайковому» распредѣленію хозяйственныхъ благъ. И если въ большихъ городахъ, гдѣ застреваютъ большія товарныя массы, обыватель еще имѣетъ кое-какую свободу выбора предметовъ не первой необходимости, то въ провинціи, гдѣ товарные потоки болѣе тощи, случайны и безпорядочны, никакой свободы выбора хозяйственныхъ благъ нѣтъ, тамъ царитъ принципъ «принудительнаго ассортимента».

Та же система объемлетъ, конечно, и распредѣленіе средствъ производства, и она должна была-бы быть увѣнчена принудительной организаціей труда. Соотвѣтствующая попытка завершенія этого строительства каторжнаго государства была сдѣлана еще въ концѣ 1930 г. Она была безуспѣшна. За истекшіе годы не только не удалось прикрѣпить рабочихъ къ производству, но подъ вліяніемъ жилищной и продовольственной нужды ихъ «текучесть» пріобрѣла угрожающій, опасный для нормальнаго функціонированія производства характеръ. Сейчасъ дѣлается вторая попытка достичь той-же цѣли путемъ строгой паспортной системы. Однако, настоящее состояніе плановаго хозяйства не сулитъ и этой попыткѣ успѣха.

Разрушеніемъ рынка разрывается связь между потребленіемъ и производствомъ. Капиталистическое хозяйство стоитъ подъ диктатурой потребителей; производство служитъ потребителю, оно старается предугадать его желанія, пробудить его дремлющія потребности. Оно въ извѣстной мѣрѣ демократично, «a penny, a vote», сказалъ про капиталистическій рынокъ извѣстный англійскій экономистъ. Въ плановомъ безрыночномъ хозяйствѣ потребитель самъ по себѣ, а производство само по себѣ. Познать потребности населенія, измѣрить ихъ интенсивность внѣ рынка невозможно. Производство регулируется не спросомъ, а планомъ. Въ идеальномъ государствѣ соціалъ - демократовъ демократія отразитъ въ своемъ планѣ свои потребности. Въ реальномъ совѣтскомъ государствѣ планъ сочиняетъ коммунистическая диктатура, ибо она свободно распоряжается всѣмъ имуществомъ, всѣми рабочими силами народа по ея усмотрѣнію. Здѣсь развитіе хозяйства окончательно теряетъ свою самочинность, хозяйство цѣликомъ переплетается съ политикой и служитъ политикѣ.

Если мы разъ познали природу этого безхозяйственнаго, не регулируемаго спросомъ, насквозь политизированнаго хозяйства, то мы не усмотримъ противорѣчія въ томъ, что, съ одной стороны, производство угля возросло за 4 года на 75%, а производство нефти

и чугуна даже на 85%, и, съ другой стороны, населеніе все больше погружается въ пучину бѣдствій. Уже года два тому назадъ населеніе поняло, куда ведетъ его это плановое хозяйство, и выразило свою мысль въ той единственной формѣ, въ которой свободная мысль, переходя изъ устъ въ уста, не поддается совѣтской цензурѣ, — въ анекдотѣ: на Александровскомъ вокзалѣ, въ Москвѣ, съ поѣзда слѣзаютъ голые люди, и когда ихъ спрашиваютъ, что это значитъ, они отвѣчаютъ: «У насъ въ Бѣлоруссіи пятилѣтка закончена въ два года!».

III. Распадъ плановаго хозяйства.

Если-бы такое плановое хозяйство могло длительно существовать, то народъ превратился-бы, кажется, въ стадо безсловесныхъ животныхъ, которымъ его мудрые коммунистическіе пастухи засыпаютъ кормъ въ ясли и гонятъ ихъ кнутомъ на работу. Но какъ нельзя длительно воевать, такъ нельзя длительно вести безрыночное плановое хозяйство. Въ моей предшествующей статьѣ въ «Соврем. Зап.» (кн. 48) «Судьбы пятилѣтки» я далъ картину внутренней дезорганизаціи совѣтскаго плановаго хозяйства и охарактеризовалъ судорожную попытку совѣтской власти, сдѣланную въ 1931 году, остановить эту дезорганизацію путемъ облеченія плановаго хозяйства въ денежныя формы, характерныя для капиталистическаго хозяйства. Однако, этой реформой его спасти не удалось, — оно находится сейчасъ въ полномъ отступленіи. Хаосъ, царящій въ хозяйствѣ, сдѣлалъ дальнѣйшій ростъ производства, несмотря на продолжающееся строительство, невозможнымъ. Къ концу 1931 г. размѣры производства достигли своего максимума; въ теченіе 1932 г. производство, хотя и въ медленномъ темпѣ, но при постоянно ухудшающемся качествѣ, снижается. Свое окончательное пораженіе плановое хозяйство потерпѣло въ сферѣ сельскаго хозяйства.

Тѣ громадныя средства, которыхъ требуетъ индустріализація страны, по мнѣнію составителей пятилѣтки должны были быть созданы, главнымъ образомъ, въ нѣдрахъ самой промышленности, благодаря ея высокой техникѣ и высокой организованности. Мѣру эксплоатаціи крестьянства не предполагалось повышать, а, наоборотъ, предполагалось ее понизить, нѣсколько сжавъ ножницы цѣнъ. Такъ какъ урожаи крестьянъ должны повыситься, то предполагалось, что они добровольно вынесутъ необходимые для соціалистическаго сектора продукты на рынокъ; ихъ предполагалось только слегка подогнать контрактаціей. О массовой коллективизаціи крестьянства въ пятилѣткѣ не было рѣчи.

Но соціалистическій секторъ съ самаго начала не далъ ожидавшихся отъ него доходовъ. Оставался единственный источникъ для осуществленія инвестицій — повышеніе мѣры эксплоатаціи крестьянства. Коллективизація крестьянства должна была создать для совѣтской власти возможность столь-же свободно распоряжаться сельскохозяйственной продукціей, какъ она уже свободно распоряжалась промышленной продукціей. При этомъ предполагалось, что механизація сельскаго хозяйства такъ сильно повысить его продуктивность, что хватитъ и для совѣтской власти, хватитъ и для мужика.

Коллективизація крестьянскаго хозяйства дѣйствительно дала сельскохозяйственную продукцію въ руки совѣтской власти. При этомъ, однако, обнаружилось, что, если овладѣніе промышленнымъ производствомъ и превращеніе всего занятаго въ промышленности населенія въ пролетаріевъ хорошо или худо исполнимо, то таже задача по отношенію къ сельскому хозяйству, въ виду присущихъ ему особенностей, неисполнима. Въ настоящій моментъ, по истеченіи 3-хъ лѣтъ послѣ перваго опыта принудительной коллективизаціи, можно съ полной опредѣленостью сказать, что на состояніи сельскаго хозяйства она отразилась разрушительно. Совѣтская власть вынуждена была съ самаго начала признать губительное вліяніе коллективизаціи на крестьянское скотоводство. Она надѣялась поправить дѣло созданіемъ громадныхъ скотоводческихъ совхозовъ. Милліоны головъ скота были для этой цѣли экспропріированы у крестьянъ. Постановленіемъ отъ 1 апрѣля прош. года совѣтская власть вынуждена была признать, что ея скотосовхозы идутъ изъ рукъ вонъ плохо; она прекратила экспропріацію крестьянскаго скота въ ихъ пользу. Результаты переписки скота весной 1932 г. были такъ плачевны, что предпочли ихъ не опубликовывать, но отдѣльныя цифры, проникшія въ печать, говорятъ, что быстрая убыль скота продолжается. Лошадей у коллективовъ такъ мало, что постановленіемъ отъ 11 сент. прош. года индивидуальнымъ крестьянамъ предписано отдавать своихъ лошадей въ распоряженіе коллективовъ.

Однако, съ зерновымъ хозяйствомъ должно было обстоять, благодаря коллективизаціи и механизаціи, какъ-будто лучше. На XVI-ой партійной конференціи лѣтомъ 1930 г. Сталинъ и Наркомъ Земледѣлія Яковлевъ заявили, что зерновая проблема рѣшена. На этомъ основаніи съ крестьянъ были собраны небывалыя разверстки (въ 1930 г. — 225 милл. дв. центн., въ 1931 г. — 230 милл. дв. центн.) и было вывезено за эти два года 100 милл. дв. центн. Этотъ вывозъ, правда, еще въ два раза меньше довоеннаго, но со времени революціи такого вывоза еще не было. Однако, скоро обнаружилось, что эти громадныя разверстки совершенно не соотвѣтствуютъ сборамъ, что у крестьянъ отнимаютъ послѣднее. Съ осени 1931 г. сельское населеніе опять вступило въ полосу голодовокъ, какихъ оно со времени 1922 г. не испытывало. Въ минувшемъ 1932 г., несмотря на благопріятныя метеорологическія условія, продовольственное положеніе сельскаго населенія остается тяжелымъ. Совѣтская статистика посѣвовъ и урожаевъ оказывается совершенно не соотвѣтствующей дѣйствительности. Мало плодотворнымъ оказалось и рѣзкое расширеніе техническихъ культуръ параллельно съ принудительной коллективизаціей, ибо урожаи съ единицы площади сильно упали.

Большія надежды, которыя совѣтская власть возлагала на механизацію сельскаго хозяйства, совершенно не оправдались. Мы это особенно ярко видимъ на при-

мѣрѣ зерносовхозовъ, которымъ дѣлается такая реклама за границей, и гдѣ условія для примѣненія машинной обработки, казалось-бы, являются наиболѣе благопріятными. Дѣйствительно, въ зерносовхозахъ въ теченіе трехъ лѣтъ была создана посѣвная площадь въ 4,3 милл. гект. Но урожаи въ этихъ механизированныхъ хозяйствахъ ничтожны, ниже, чѣмъ на крестьянскихъ поляхъ. Въ засушливомъ 1931 г., когда зерносовхозы должны были демонстрировать преимущества механизированной обработки, они дали на кругъ 3,3 дв. центн. съ гектара (22 пуд. съ дес.). Зерносовхозы никогда заготовительныхъ плановъ не выполняютъ и никакой замѣтной роли въ снабженіи страны хлѣбомъ не играютъ *).

Но бѣда заключается не только въ губительномъ вліяніи коллективизаціи на сельское хозяйство, но и въ неспособности распредѣлительнаго аппарата справиться со своими неимовѣрно выросшими задачами. Тѣ 170-180 мил. дв. центн., которые за вывозомъ оставались въ 1930 и 1931 г. у совѣтской власти для распредѣленія, въ сущности должны были-бы быть достаточными для продовольствія промысловаго населенія. Почему-же и оно мало и неаккуратно получаетъ свои пайки? Куда же громадныя количества хлѣба дѣваются? Какъ-то въ совѣтской прессѣ промелькнуло извѣстіе, что въ 1930 г. 25% всего собраннаго хлѣба, т. е. 55 милл. дв. цент. (больше, чѣмъ было вывезено), не были доставлены на желѣзно-дорожныя станціи, что хлѣбъ этотъ былъ разворованъ, испорченъ и использованъ не по назначенію *). Такъ используется тотъ хлѣбъ, который вырывается изъ рукъ голодающаго крестьянства. Можно себѣ представить, какова судьба скоро портящихся продуктовъ въ совѣтскомъ распредѣлительномъ аппаратѣ.

Коллективизація сельскаго хозяйства потерпѣла пораженіе; превращеніе крестьянина въ батрака, правда, существенно подвинулось, но только онъ пересталъ работать. Мириться съ деградаціей сельскаго хозяйства нельзя. Необходимо было дать крестьянину опять стимулы для работы. Плановое хозяйство начало отступленіе.

Въ маѣ прошлаго года заготовительные планы были сокращены и крестьяне получили право продажи своихъ продуктовъ и притомъ не по нормированнымъ, а по свободнымъ цѣнамъ.

Но какъ и въ 1921 г. эта мѣра вызвала сейчасъ-же рядъ послѣдствій. Очевидно, что крестьянинъ не понесетъ на базаръ свои скудные запасы, чтобы обмѣнивать ихъ на обезцѣнивающіяся совѣтскія бумажки. Надо предложить крестьянину въ обмѣнъ индустріальные товары. Пришлось перераспредѣлить индустріальные товары, направивъ большее количество

) Подробнѣе въ моей статьѣ: «Die Getreidefabriken» въ коллективномъ трудѣ: B. Brutzkus, W. Poletika und A. Ugrimoff. «Die Getreidewirtschaft in den Trockengebieten Russlands». 67 Sonderheft. « Berichte über Landwirtschaft ». Paul Parey. Berlin, 1932.

*) «Совѣтская торговля», 1931 г., № 5.

ихъ въ деревню. Но многаго такимъ путемъ достичь нельзя. Рабочее населеніе чрезвычайно выросло, и оно остро нуждается въ индустріальныхъ товарахъ, въ то время какъ продукція легкой индустріи возросла въ 1932 г. всего лишь на 5%. Пришлось нѣсколько отвлечь тяжелую индустрію отъ ея непосредственныхъ задачъ, и она должна теперь работать на широкое потребленіе.

Въ концѣ концовъ, пришлось пробить новую брешь въ плановомъ хозяйствѣ. Подъ пятилѣткой кустарная промышленность была уничтожена. Остатки ея были объединены въ артели и подчинены бюрократизированнымъ кооперативнымъ центрамъ. Эти артели не имѣли права ни самостоятельной закупки сырья, ни самостоятельной продажи издѣлій. Постановленіемъ отъ 23 іюля прошлаго года артели освобождаются отъ путъ кооперативныхъ центровъ и получаютъ право самостоятельной покупки сырья и самостоятельной продажи издѣлій. Постановленіемъ отъ 27 окт. прош. года нѣсколько улучшено и положеніе индивидуальнаго ремесла. Такимъ образомъ, монопольное положеніе госпромышленности на рынкахъ сырья и готовыхъ издѣлій чуть - чуть ослаблено.

Наконецъ, постановленіемъ отъ 3 декабря прош. года пробита брешь и въ бюрократизированной системѣ потребительной коопераціи: продовольствіе рабочихъ на крупныхъ заводахъ снято съ мѣстныхъ кооперативовъ и возложено на заводоуправленія.

То, что сейчасъ происходитъ въ Россіи, несомнѣнно имѣетъ нѣкоторыя черты сходства съ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ 1921 г. Но не слѣдуетъ упускать и существенныя отличія. Тогда совѣтская власть пошла въ отступленіе не только подъ давленіемъ экономическихъ, но и политическихъ факторовъ. Теперь она свое политическое положеніе считаетъ достаточно прочнымъ. Поэтому теперешнее отступленіе является менѣе рѣшительнымъ. Отъ торжественнаго прокламированія отступленія Сталинъ отказался, ибо это въ моментъ заключенія пятилѣтки могло-бы повредить международному престижу коммунизма. Всѣ новыя постановленія содержатъ въ себѣ разнаго рода ограниченія, изъ которыхъ важнѣйшимъ является воспрещеніе, подъ страхомъ драконовскихъ наказаній, частной торговли сельскохозяйственными продуктами; производитель долженъ прійти въ непосредственное соприкосновеніе съ потребителемъ.

Однако, очень трудно услѣдить за соблюденіемъ этихъ ограниченій, и линіи дальнѣйшаго распада плановаго хозяйства уже отчетливо намѣтились. Крайне неудачное развитіе заготовокъ минувшей осенью объясняется, главнымъ образомъ, плохимъ состояніемъ сельскаго хозяйства, но также и тѣмъ, что крестьяне имѣютъ возможность сплавить свои продукты на рынокъ.

Въ данный моментъ правительство чрезвычайно обезпокоено большими перерасходами по заработной платѣ. Въ связи съ этимъ быстро возрастаетъ стоимость производства въ госпромышленности, такъ стоимость производства такого важнаго продукта, какъ уголь, повысилась противъ прошлаго года на 20%. Причина повышенія заработной платы состо-

итъ въ томъ, что рабочіе, въ виду сокращенія пайковъ, вынуждены все чаще заглядывать на рынокъ, гдѣ имъ приходится имѣть дѣло съ цѣнами, которымъ ихъ заработная плата совершенно не соотвѣтствуетъ. Рабочіе настоятельно требуютъ повышенія заработной платы, и хозяйственники вынуждены, несмотря на всѣ запреты совѣтской власти, имъ уступать. Это подрываетъ, однако, весь финансовый планъ.

Но особенно большія опасности таитъ въ себѣ постановленіе отъ 3 декаб. прошл. года, возложившее на заводоуправленія отвѣтственность за продовольствіе рабочихъ. Имъ придется закупать продовольствіе на рынкѣ и реорганизовать свое производство въ соотвѣтствіи съ потребностями рынка. Такъ распалось соціалистическое хозяйство лѣтомъ 1921 г., такъ оно можетъ распасться и теперь.

Пятилѣтка строилась на безмѣрной эксплоатаціи крестьянства. Открытіе свободнаго рынка обозначаетъ увеличеніе доли 120-ти милліоннаго русскаго крестьянства въ національномъ доходѣ. Но малѣйшее измѣненіе условій реализаціи сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ пользу крестьянства должно имѣть важныя послѣдствія для народнаго хозяйства. Источники инвестицій грозятъ изсякнуть, и не только не будетъ средствъ для новыхъ строекъ, но ихъ не хватитъ и для завершенія начатыхъ.

Плановое хозяйство въ отступленіи. Но хозяйственная организація, при немъ создавшаяся, грандіозна и сложна; достаточно указать на громадный ростъ городовъ, рабочаго населенія, тяжелой индустріи, желѣзно-дорожныхъ перевозокъ. Чтобы облегчить бѣдственное положеніе населенія и заполнить тѣ бреши, которыя образуются съ отступленіемъ плановаго хозяйства, необходимо быстрое развитіе рыночнаго хозяйства. Но оно не наступаетъ. Для этого не хватаетъ его главнаго рычага — частной торговли. Да и нѣтъ психологическихъ предпосылокъ для дѣйственнаго развитія рыночнаго хозяйства ни у населенія, ни у мѣстныхъ властей. Населеніе, только что разгромленное при вторичной ликвидаціи Нэпа, осторожно. По оффиціальнымъ даннымъ къ декабрю были вовлечены въ торговлю лишь 20% всѣхъ колхозовъ («Экон. Ж.» отъ 27 дек. 1932 г.). Исподтишка они, вѣроятно, теперь всѣ немножко торгуютъ, но указанная оффиціальная цифра подчеркиваетъ запуганность населенія. Если-бы Сталинъ повторилъ слова Ленина: «въ серьезъ и надолго», ему все-же не повѣрили-бы.

Но и мѣстная власть не подготовлена къ этой перемѣнѣ. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ ея назначеніе состояло въ уничтоженіи всякой свободной хозяйственной дѣятельности населенія; со времени «раскулачиванія» самое представленіе о гражданскомъ правѣ, о частной собственности исчезло изъ ея сознанія. И теперь ей трудно примириться съ тѣмъ, что рынокъ для нея табу, что здѣсь граждане имѣютъ какія-то гражданскія права. Несмотря на всѣ запреты центральныхъ властей, мѣстныя власти все-таки не могутъ удержаться отъ вмѣшательства, отъ «регулированія» рынка.

Безъ какихъ-то серьезныхъ правовыхъ гарантій рыночное хозяйство не въ состояніи будетъ получить то развитіе, которое необходимо, чтобы хоть частично спасти отъ развала то огромное хозяйство, которое создано въ порядкѣ соціалистическаго плана. Но какимъ образомъ коммунистическая диктатура могла-бы дать правовыя гарантіи?! Вотъ то противорѣчіе, въ которое уперлась русская жизнь, и которое можетъ быть разрѣшено только въ сферѣ политики. И пока эта проблема не разрѣшится, все также и душно, и мрачно, и безрадостно будетъ въ Россіи, и заря лучшей жизни надъ ней не займется.

Б. Бруцкусъ.

Къ юбилею „Современныхъ Записокъ"

Не безъ колебаній и сомнѣній согласились мы на то, чтобы выходъ въ свѣтъ 50-ой книжки нашего журнала былъ какъ либо ознаменованъ общественно. Юбилей — праздникъ, а общая обстановка нашей жизни тамъ, въ Россіи, и здѣсь, на чужбинѣ, мало располагаетъ сейчасъ къ празднествамъ. Не потому ли и раньше, два года тому назадъ, мы такъ охотно пропустили болѣе естественную юбилейную дату, ничѣмъ не отмѣтивъ десятилѣтіе «Современныхъ Записокъ»?

Но юбилей — не только торжество: это — и какая то внутренне необходимая грань, задерживаясь на которой, оглядываются на прошлое, отдаютъ себѣ и другимъ отчетъ въ пройденномъ пути, берутъ на себя новыя обязательства. И въ томъ совершенно особомъ, исключительно отвѣтственномъ положеніи, въ которое судьба поставила нашъ журналъ, мы, его ближайшіе участники, давно уже прониклись сознаніемъ, что «Совр. Зап.» — не наше групповое только дѣло, онѣ въ какой то мѣрѣ — достояніе общеэмигрантское. Это достояніе лишь довѣрено намъ и мы обязаны отчетомъ, въ будущемъ — передъ Россіей, въ настоящемъ — передъ русскимъ зарубежьемъ за сдѣланное нами изъ него употребленіе. Случаенъ поводъ для такого общественнаго отчета — выходъ пятидесятой книжки. Но далеко не случайна потребность именно сейчасъ, когда такъ предѣльно сгущена и напряжена атмосфера въ Россіи и такъ великъ идейный разбродъ въ рядахъ эмиграціи, провѣрить правильность взятаго въ 1921 г. и съ тѣхъ поръ сохраняемаго «Совр. Записками» направленія.

Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство, скрывать которое по меньшей мѣрѣ безполезно. Изданіе журнала, въ силу ряда обстоятельствъ, съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлалось въ матеріальномъ отношеніи чрезвычайно труднымъ. Такой журналъ, какъ «Совр. Записки», въ условіяхъ эмиграціи трудно сдѣлать вполнѣ самоокупающимся, — даже въ Россіи, при несравненно большихъ тиражахъ, наши «толстые» журналы только самые послѣдніе годы передъ революціей перестали быть дефицитными. «Совр. Записки» могли возникнуть и существовать всѣ